

Шишмарева Т. Е., Дюндик Ю. Б.
Иркутск, Российская Федерация
ФГБОУ ВПО ИГУ

Аннотация. Перевод с вэньяня сложен из-за расхождения стабильной иероглифической формы и динамики языка. В статье систематизированы трудности перевода классического текста «Эрья» и предложена стратегия их преодоления через диахронический перевод (опора на комментарии разных эпох).

Ключевые слова: диахронический перевод, переводческая стратегия, «Эрья», вэньянь.

Перевод идеографического текста на вэньяне до сих пор остаётся одной из самых сложных задач в восточной филологии и переводоведении. Относительная стабильность иероглифической формы вступает в противоречие с внутренней динамикой языка. Один и тот же знак может фиксировать разные этапы эволюции языковой системы, оставаясь формально тождественным самому себе. Из этого противоречия вырастает проблема адекватной и связной интерпретации классических памятников. В случае с «Эрья» вопрос переводческой стратегии ставится несколько иначе, в отличие от других классических источников, поскольку это не просто классический описательный текст.

Актуальность работы определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, важно уточнить границы между лингвистическими и экстралингвистическими факторами при переводе классического китайского текста. Во-вторых, существует практический запрос, а именно: нужна основа для более точного перевода памятников, аналогичных словарю «Эрья».

Цель статьи заключается в систематизации главных трудностей перевода словаря «Эрья» и предложить стратегию их преодоления на основе техники диахронического перевода. **Материалом исследования** послужил первый китайский словарь «Эрья» (爾雅), а именно фрагменты из глав «Ши гу» (釋詁), «Ши янь» (釋言), «Ши сюнь» (釋訓), «Ши цао» (釋草) и других в нашем переводе. При подготовке перевода мы учитывали также современные комментированные издания, в частности «Эрья ичжу» Ху Цигуана и Фан Хуанхя [6].

Методологическая база включает несколько элементов. Это метод диахронического перевода, то есть перевод через обращение к комментариям поздних эпох (от ханьских до цинских филологов). В основе подхода лежит понимание текста как «неоднородно зашифрованного» [1, с. 143]. Важно также использование историко-филологическое исследования с привлечением терминов традиционной китайской герменевтики сюньгусюэ (訓詁學). Важным примером такого подхода служит работа Дуань Юйцай «Гувэнь Шаншу као», где автор критически разбирает древнюю версию канона [3]. И наконец, сравнительный комментарий, то есть сопоставление интерпретаций разных школ и эпох [4].

Возможность адекватно и связно интерпретировать классический текст ставит перед исследователем комплекс специфических задач. Эти задачи, как выясняется, связаны с факторами двух родов – лингвистическими и экстралингвистическими.

К числу базовых экстралингвистических факторов, определяющих сложность перевода «Эрья» и аналогичных текстов, относятся три группы явлений.

Первая группа. Представления о культурно-историческом фоне. Перевод требует не просто подбора лексических эквивалентов, а реконструкции системных представлений о древнекитайских верованиях, ритуалах, административном устройстве, природно-сезонных маркерах. Без этих знаний любая статья «Эрья» становится либо непонятной, либо интерпретируется поверхностно.

В главе «Ши тянь» (釋天, «Истолкование небес») объясняются такие понятия, как «благодатный дождь» *лицюань* (醴泉) и «благодатный ветер» *цзинфэн* (景風). Что это, просто погодные явления? Нет. Это знамения, отсылающие к мифоритуальным представлениям о гармонии между Небом и Землёй, которая наступает, когда правитель следует правильному пути. В той же главе перечисляются жертвоприношения в зависимости от сезона: весенние называются *цы* (祠), летние – *юэ* (禴), осенние – *чан* (嘗), зимние – *чжэн* (蒸). Если перевести все четыре знака просто как «жертвоприношение», их различительная функция сотрётся. А без знания аграрного календаря и ритуального цикла эпохи Чжоу эти различия не восстановить. В главе «Ши ди» (釋地, «Истолкование земель») описаны пять сторон света, заселённые космологи-

ческими символами. На востоке обитают рыбы «соединившие глаза» (比目魚), их называют *та* (鰈). На юге — птицы «соединившие крылья» (比翼鳥), имя им *цзяньцзянь* (鸛鷖). На западе есть звери «соединившие плечи» (比肩獸), а именно сказочные звери *цюньцюнь* (邛邛) с длинными передними лапами и *цзюйсюй* (岷虛) с длинными задними, которые могут существовать только вместе и называются *цзюэ* (麇). На севере живут люди «соединившие плечи» (比肩民): у каждого половина тела, один глаз, одна нога, одна рука, они едят и спят по очереди. В центре живут двухголовые змеи (枳首蛇). Перед нами, конечно, не географический справочник. Это мифологическая модель мира, где парность и взаимозависимость выступают основой мироустройства. В главе «Ши цинь» (釋親, «Истолкование родственных отношений») вся система родства строится по четырём рубрикам: родственники по отцовской линии (*цзучу* 宗族), по материнской линии (*мудан* 母党), по линии жены (*цудан* 妻党) и отношения после вступления в брак (*хуньинь* 婚姻). Знаки «старший брат» *сюн* (兄), «младший брат» *ди* (弟), «старшая сестра» *цзы* (姊), «младшая сестра» *мэй* (妹), «свёкор» *вайцзю* (外舅). За каждым из этих терминов стоят строгие социальные обязательства, иерархия старшинства и система табу. Что немаловажно, без знания этих структур адекватный перевод невозможен.

Вторая группа. Проблема авторства и послойная разнородная структура памятника. «Эръя» создавался не одним поколением учёных на протяжении нескольких столетий — от эпохи Западного Чжоу до ханьской окончательной редакции. Один и тот же знак может принадлежать разным хронологическим слоям. Приведём пример. Знак *ай* (艾) встречается в словаре в нескольких значениях. В одной статье он означает «испытать на личном опыте» (歷). В другой — «помогать» (相). В третьей — «беречь и обучать» (養). Эти значения зафиксированы в разное время и принадлежат разным семантическим слоям. Или знак *ши* (屍). В одной статье он толкуется как «управлять, распоряжаться» (主) — как делали предки. Во второй статье тот же знак получает значение «чина, ранг» (官) и поясняется как ритуальная статуя, изображение предков, или как *цай* (采), земельный надел эпохи Чжоу, пожалованный правителем. Первое значение связано с административной функцией, второе связано с религиозной практикой.

Как отмечал Ю. М. Лотман, «текст в своей синхронности может опираться разными частями на память различной временной глубины» [1, с. 143]. Это означает, что переводчик не вправе применять единую интерпретацию ко всем статьям.

Третья группа. Формат текста-памятника. «Эръя» самый древний китайский словарь. Он не даёт контекстного окружения для каждого знака. Толкования строятся как перечни синонимов, без развёрнутых синтаксических конструкций. Вот типичная статья из первой главы «Ши гу» (釋詁, «Истолкование древних имен»): 林、烝、天、帝、皇、王、後、闢、公、侯、君也. В развёрнутом виде: «Правитель (君): 林 — удельный князь; 烝 — правитель; 天 — к самому высшему чину на иерархической лестнице; 帝 — к коронованной особе; 皇 — великий государь; 王 — князь-ван; 後 — прежние идеальные государи; 闢 — удельный князь; 侯 — наследный титул правителя (эпоха Чжоу); 公 — правитель (эпоха Весны и Осени)» [2, с. 124]. В описательно-повествовательном тексте каждый из этих знаков появился бы в собственном контексте, который прояснил бы различия. Здесь контекста нет. Переводчик вынужден восстанавливать эти различия из истории титулов, из комментариев более поздних филологов, из параллельных мест в других классических книгах. Другая статья из той же главы перечисляет знаки, обозначающие «большое, великое» (大). Среди них: 弘, 廓, 宏, 溥, 介, 純, 夏, 幬, 龐, 墳, 嘏, 丕, 奕, 洪, 誕, 戎, 駿, 假, 京, 碩, 濯, 訏, 宇, 穹, 壬, 路, 淫, 甫, 景, 廢, 壯, 塚, 簡, 筓, 畎, 畹, 將, 業, 席. Все они, как сказано в словаре, означают «большое». Но какое из этих «больших» относится к размеру, какое к степени, какое к важности, какое к возрасту? Без контекста ответить на этот вопрос невозможно. В главе «Ши янь» (釋言, «Истолкование речений») примеры лаконичнее. *фан* (舫) толкуется как *чжоу* (舟) «лодка, ладья». *чжан* (粃) — как *лян* (糧) «зерно, провиант». *ли* (裡) — как *и* (邑) «поселение». Здесь каждый ряд состоит из одного гипонима и одного гиперонима. В главе «Ши цзо» (釋草, «Истолкование трав»): *чусуй* (出隧) и *цюйшу* (蓫蔬) — названия дикого водяного риса *не* (𦵏) и *дяопэн* (雕蓬) — кормовая трава для домашних животных. *Цзянь* (薦) и *шупэн* (黍蓬) обозначают ещё одно название кормовой травы. В главе «Ши шоу» (釋獸,

«Истолкование зверей») о волке: самец называется *хуань* (獾), самка – *лан* 狼(), волчата – *цзяо* (獾), сильное мощное животное – *сюнь* (迅). В главе «Ши чу» (釋畜, «Истолкование домашних животных») рубрикация построена по видам скота: лошади (馬屬), коровы (牛屬), бараны (羊屬), собаки (狗屬), домашняя птица (雞屬) и шесть видов домашнего скота (六畜).

Итак, формат словаря, с одной стороны, систематизирует лексику по семантическим полям. С другой стороны, он лишает каждый знак контекстуального окружения. Переводчик вынужден восстанавливать различия между знаками из парадигматических связей внутри списка (кто с кем поставлен в один ряд) и из внешних источников: комментариев, других классических текстов, исторических сведений о титулах, ритуалах, реалиях.

В число собственно лингвистических факторов входят по крайней мере четыре группы феноменов.

Во-первых, это особенности грамматического и лексического строя древнего и классического вэньяня (文言): предельная сжатость выражения, отсутствие чётких морфологических маркеров частей речи, нерасчленённость единиц словообразования и словарного состава, а также сложности с распознаванием личных имён и топонимов. Во-вторых, это устойчивые двусложные комплексы, состоящие из двух семантически спаренных морфем, которые в традиционной китайской филологии называются *ляньмяньцзы* (连绵字). В-третьих, это многозначность китайских иероглифических знаков. В-четвёртых, это явления омонимического порядка: случаи употребления одного иероглифа вместо другого (так называемые *тунцзяцзы* 通假字), варианты написания (*итицзы* 异体字), диалектные формы и другие виды графической вариативности.

Все эти трудности прямо отражаются в структуре и содержании «Эрья». Словарь не только фиксирует лексические единицы, но и демонстрирует те языковые явления, с которыми сталкивается исследователь древнекитайского текста. Рассмотрим каждый феномен последовательно.

Показательным примером предельной сжатости служит первая же дефиниция «Эрья» из главы «Ши гу»: «初、哉、首、基、肇、祖、元、胎、俶、落、权輿 始也». В развёрнутом виде: «Начало: 初 – начало, связанное с кройкой одежды; 哉 – основа, первоэлемент; 首, 元 – голова как начало тела; 基 – основа разного рода построек; 肇 – открывать дверные створки; 祖 – начало человеческого рода; 胎 – начало жизни в утробе матери; 俶 – начало движения; 落 – начало как процесс падения листьев с деревьев; 權輿 – пробуждение растений» [Шишмарева, с.124]. Здесь мы видим, что среди одиннадцати различных знаков есть и знаменательные слова, и грамматикализованные единицы, и служебные морфемы, которые просто соплагаются с итоговым значением «начало» через предикативную частицу-связку 也. Нерасчленённость словообразования и словарного состава проявляется в том, что в одном ряду стоят как простые корневые морфемы (初, 首), так и двусложное образование 權輿, которое в других контекстах функционирует как самостоятельная лексема. А слово 祖 без специальных маркеров невозможно отличить от антропонима или топонима. Его идентификация становится возможной только в расширенном контексте.

В «Эрья» засвидетельствованы устойчивые двусложные комплексы – семантически неразложимые образования, значение которых не выводится из суммы значений составляющих их иероглифов (*ляньмяньцзы*). В главе «Ши ди» приводится дефиниция: «蜺蜺 – 虹也» (радуга). Оба иероглифа содержат ключ «насекомое» (虫), но по отдельности не имеют значения «радуга» и практически не употребляются вне пары. Аналогичный пример находим в главе «Ши цао»: «茼蒿 – 馬舄» (подорожник). Двусложный комплекс 茼蒿 обозначает растение, а его компоненты по отдельности такого значения не передают. Эти примеры показывают, что уже в древности в китайском языке существовал слой лексики, который можно было понять только в целостном, фонетически и семантически спаянном виде.

«Эрья» наглядно иллюстрирует многозначность иероглифических знаков, фиксируя лишь одно из возможных значений в каждой дефиниции. Без словаря восстановить семантический спектр знака часто невозможно. В главе «Ши гу» читаем: «介 – 善也» («хороший, добрый»). Между тем иероглиф 介 в других контекстах может означать «панцирь», «посредник», «одинокий», «большой», «помощь». Без фиксации в «Эрья» значение «хороший» было бы трудно вывести из других употреблений. Там же находим: «基 – 始也» («начало»), тогда как 基 может переводиться ещё как «основание», «фундамент», «земля». Важно, что словарь выполняет функцию ключа к кон-

кретному значению в конкретном контексте – и при работе с древними текстами этот ключ незаменим. Современные справочные издания, такие как работа Ли Дуньин [7], систематизируют подобные случаи и помогают переводчику ориентироваться в семантической многозначности.

В «Эрья» зафиксированы разнообразные явления этого порядка: фонетические замены (*тунцзяцзы*), вариантные написания (*итицзы*), диалектные формы. Явление *тунцзяцзы* представлено, например, в главе «Ши шоу»: «匪 – 狒也». Знак 匪, который в классических текстах чаще всего выступает как отрицание («не»), здесь используется для записи названия животного 狒. Это возможно потому, что в древности оба слова были фонетически близки или совпадали. Вариантные написания можно проиллюстрировать на примере разных традиций записи одного слова: для «обезьяны» в различных списках «Эрья» встречаются знаки 獼, 猿 и даже 蜎 (последний – с ключом «насекомое»). Наконец, диалектная вариативность отражена в главе «Ши янь»: «舟 – 船也». При этом 舟 – древнее литературное слово, а 船 – южное диалектное, характерное для царств Чу и У. Фиксация этой пары как эквивалентной доказывает, что составители «Эрья» осознавали наличие территориальных вариантов лексики и стремились установить между ними соответствие.

В ходе анализа систематизированы основные трудности перевода классического вэньяня на материале «Эрья». На их основе предложена и обоснована стратегия диахронического перевода. Что удалось установить? Экстралингвистические факторы сложности такие как: реконструкция культурно-исторического фона, послойная разнородная структура памятника, формат словаря-тезауруса не могут быть преодолены в рамках синхронного подхода. Равно как и лингвистические: предельная сжатость вэньяня, отсутствие морфологических маркеров, феномены *ляньмяньцзы*, многозначность, омонимическая вариативность в виде *тунцзяцзы*, *итицзы* и диалектных форм. Синхронный подход ориентирован на единовременное состояние языка, а здесь этого явно недостаточно.

В качестве основной переводческой стратегии предлагается диахронический перевод. Он включает три ключевых компонента. Первый компонент, полагаем, обращение к комментаторской традиции. Перевод должен опираться на корпус комментариев, создававшихся от ханьской до цинской эпох, включая работы Го Пу, Син Бина, Дуань Юйцай [3; 4], Хао Исина [5], и других критических толкователей. Это позволяет восстановить историческую стратификацию значений. Второй компонент, вероятно, реконструкция культурно-исторического контекста. Перевод требует не подбора лексических эквивалентов, а восстановления системы древнекитайских верований, ритуалов, административных институтов, космологических представлений и социальных отношений. Без этого каждое отдельное толкование «Эрья» становится либо непонятным, либо поверхностным. И, наконец, третий компонент – методологическая опора на традиционную китайскую герменевтику сюньгусюэ (訓詁學) и сравнительный комментарий, то есть сопоставление интерпретаций разных школ и эпох. Теоретическим основанием служит понимание послойной и неоднородной структуры «Эрья», где разные фрагменты фиксируют разные этапы эволюции языковой и культурной системы.

Чем диахроническая стратегия отличается от традиционного подхода? Последний стремится дать единственный «правильный» перевод каждого знака. Диахронический перевод позволяет представить перевод как пучок интерпретаций, зафиксированных в разные исторические периоды. И тем самым достичь не иллюзорной однозначности, а адекватной и связной интерпретации классического памятника.

Разработанная стратегия диахронического перевода создаёт основу для более точной интерпретации «Эрья» и аналогичных памятников древнекитайской письменности. Дальнейшее исследование связано с созданием полного комментированного перевода «Эрья» на русский язык, где предложенная стратегия будет реализована, а также с возможным применением диахронического подхода к другим классическим текстам, например, «Ши цзин», «Шу цзин», «Цзо чжуань».

Список литературы

1. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры : в 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – 643 с.
2. Шишмарева, Т.Е. Китайский словарь «Эрья» в идеографическом и этнокультурном аспектах (монография) / Т. Е. Шишмарева. – Иркутск: Издательство ИГУ – 2016. – 289 с.

3. 段玉裁撰(清). 古文尚书考 2 卷/段玉裁撰(清). -上海:上海古籍出版社, 2002. - 132 页. (Дуань Юйцай. Исследование древнекитайской версии «Книги истории»): в 2 т. / Дуань Юйцай соч. - Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2002. - 132 с.).
4. 尔雅注疏 10 卷附《校勘记》/10 卷(晋)郭璞注,(宋)邢昺疏音《校勘记》,(清)阮元撰《十三经注疏》附《校勘记》本.- 北京:中华书局,1983. - 666 页. (Го Пу, Син Бин, Жуань Юань. «Эрья»: комментарии и толкования: в 10 томах с приложением «Цзяо кань цзи» / (Цзинь) Го Пу коммент.; (Сун) Син Бин чтение и толкование; (Цин) Жуань Юань сост. «Записки о сверке текста». - Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1983. - 666 с.).
5. 郝懿行. 尔雅义疏 / 郝懿行撰. - 上海:上海古籍出版社,1983. - 1344 页. (Хао Исин. Развёрнутые толкования «Эрья») / Хао Исин соч. - Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1983. - 1344 с.).
6. 胡奇光. 尔雅译注. / 胡奇光, 方环海撰. - 上海:上海古籍出版社,1999. - 519 页. (Ху Цигуан. Эрья с переводом и комментариями. / Ху Цигуан, Фан Хуанхай. - Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1999. - 519 с.).
7. 李冬英. 普通话词注释《尔雅》. / 李冬英. - 北京: 中国社会科学出版社,2015. - 320 页. (Ли Дунъин. «Эрья» с комментариями к общеупотребительным словам и фразам. / Ли Дунъин. - Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2015 - 320 с.).

FROM THE EXPERIENCE OF TRANSLATING "ERYA": IN SEARCH OF AN ADEQUATE STRATEGY

*Shishmareva T. E., Dyundik Yu. B.
Irkutsk, Russian Federation
Irkutsk State University (ISU)*

Abstract. Translation from Wenyan is complicated due to the divergence between the stable form of logographs and the dynamics of language. The article systematizes the difficulties of translating the classical text "Erya" and proposes a strategy for overcoming them through diachronic translation (relying on commentaries from different periods).

Keywords: diachronic translation, translation strategy, "Erya", Wenyan.

УДК 373.24

РОЛЬ И МЕСТО ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Шкутова Н. Ю.
Могилев, Республика Беларусь
ГУО «Дошкольный центр развития ребенка № 3 г. Могилева»*

Аннотация. В статье рассматривается изменение подходов к языковому образованию в дошкольном образовании, роль воспитателя в создании языковой среды. Сделан вывод о необходимости интеграции двух языков во все виды деятельности для речевого развития детей.

Ключевые слова: дошкольное образование, языковое образование, билингвизм.

Введение. Современный этап развития системы образования Республики Беларусь характеризуется особым вниманием к сохранению национальной идентичности при одновременной интеграции в мировое культурное пространство. Согласно Кодексу Республики Беларусь об образовании, приоритетной задачей дошкольного воспитания является формирование у ребенка ценностного отношения к родной культуре и языку, а также уважения к государственным языкам страны [1]. В условиях билингвального социума Беларуси, где русский и белорусский языки сосуществуют в повседневной коммуникации, дошкольное учреждение выступает ключевым институтом социализации, призванным гармонизировать речевое развитие ребенка. Однако в педагогической практике нередко наблюдается диспропорция в сторону доминирования русского языка во всех видах деятельности детей.